

Антонов В.Ф.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация: Представленная статья посвящена рассмотрению аксиологических аспектов правомерного поведения, а также анализу научных подходов, сложившихся по данной проблеме. Объектом исследования являются общественные отношения, обеспечивающие формирование механизмов правомерного поведения в условиях свободного волеизъявления. Предметом исследования являются аксиологические аспекты правомерного поведения, проявляющиеся в различных поведенческих аспектах. Особое внимание в статье уделяется вопросам возникновения и развития теоретических представлений о нравственных началах юридической ответственности. В работе последовательно представлены теоретические воззрения известных ученых, занимавшихся исследованием данной проблемы, проанализированы современные подходы к пониманию природы правомерного поведения. Автором были использованы различные по содержанию методы исследования: конкретно-социологический, историко-правовой, формально-логический, метод сравнительного анализа и пр. Теоретическую основу исследования составили работы отечественных юристов, посвященные аксиологическим проблемам правомерного поведения. Обоснованность и достоверность полученных результатов определяются комплексным характером проведенного исследования. Научная новизна исследования заключается в выявлении факторов и предпосылок правомерного поведения, соответствующего ценностным установкам, позитивно воздействующих на участников сложившейся системы правоотношений. По мнению автора, правомерное поведение основывается на традиционных представлениях о фундаментальных ценностях, обеспечивающих поддержание правопорядка, морали и нравственности на необходимом уровне. Несмотря на множественность подходов к пониманию диалектической категории добра и зла, представляется правильной позиция, исходящая из существования сверхличностных ценностей, порождающих и обуславливающих существующую систему публичных обязанностей.

Ключевые слова: Правовые обязанности, правовые нормы, нравственность, мораль, законодательство, личность, правомерное поведение, общественные интересы, правовое регулирование, ответственность.

Abstract: The presented article is dedicated to the examination of axiological aspects of lawful behavior, as well as to the analysis of scientific approaches formed on that issue. The object of this research is the social relations, which provide the establishment of the mechanisms of lawful behavior in the conditions of free declaration of will. The subject of this work is the axiological aspects of lawful behavior that are manifested in various behavior traits. A special attention is given to the questions of emergence and development of the theoretical ideas on moral principles of the legal liability. The modern approaches towards understanding the nature of modern lawful behavior, as well as the outlook of the renowned scholars exploring this problem, are being analyzed in the course of this work. The scientific novelty of the research consists in determination of factors and prerequisites of lawful behavior, which comply with the system of values and positively affect the parties of the established system of legal relations. In author's opinion, the lawful behavior is based on the fundamental values, which maintain a necessary level of legal order, moral, and ethic. Despite the multiple approaches towards the understanding of dialectical category of right and wrong, the article presents a proper outlook, which is based on the absolute values and substantiates the existing system of public responsibilities.

Keywords: Legal regulation, public interests, lawful behavior, personality, legislation, moral, ethic, legal regulations, legal obligations, responsibility.

В условиях расширения нравственных начал современного законодательства привлечение к различным видам юридической ответственности происходит на основе ценностных установок, учитываемых при вынесении соответствующих судебных решений. С учетом законодательного закрепления принципа добросовестного поведения правомерность тех или иных действий заинтересованных участников имущественного оборота определяются

исходя приоритетных ценностей, непосредственно влияющих на правоприменительную деятельность. В условиях законодательной неопределенности судебные органы руководствуются сложившимися представлениями о нравственных началах юридической ответственности, предполагающей непосредственное использование диалектической категории добра и зла при определении правовой природы юридически значимых действий.

В современной юридической литературе правомерное поведение рассматривается как социально полезное поведение, соответствующее нравственным установкам. По мнению профессора Н.Н.Вопленко социальные и нравственные нормы изначально отражают определенные социальные ценности (господствующие нравы и обычаи), поскольку исторически складывались в качестве нормативной системы, устанавливающей дозволенную меру свободы и справедливости. При этом мораль и право работают в едином режиме социального регулирования, совершенствуя при том в процессе взаимодействия возможности и механизмы нормативной регламентации общественной жизни. Другими словами, взаимодействие морали и права способствует их взаимному совершенствованию и обогащению, а так же накоплению прогрессивного опыта социальной регуляции [1; 61].

По представлению Р.Г. Жергунова правомерное поведение личности представляет собой вид волевой активности человека, аспект деятельности, регламентированный нормами права, в котором выражается преимущественное позитивное отношение к правовым принципам, ценностям и нормам, и обладающий в силу этого социальной ценностью [2 ;20]. Из данного утверждения следует, что нормативное регулирование осуществляется не сами правовыми нормами, устанавливающими определенные запреты и предписаниями, а теми фундаментальными ценностями на которые ориентируется законодатель. Как правило, правовые институты формируются на основании общечеловеческих и гуманистических ценностей, устанавливающих общеобязательные требования.

Как известно, современное право развивается под влиянием естественной-правовой теории, признающей верховенство морали, обычаев и традиций в сложившейся системе правового регулирования. Изначально естественное право (*jus naturale*), исходившее из принципа справедливости, предполагало отказ в признании прав частных лиц, если они содержали безнравственные основания, противоречили доброй совести и добрым нравам, поскольку применение названных правовых норм не соответствовало представлениям о добре и зле, а так же принципам, формирующим национальный *ordre public* [3; 17-23]. Использование естественной-правовой теории предполагает, что правомерность тех или иных действий заинтересованных участников общественных отношений определяется исходя из ценностных установок, обуславливающих систему правового регулирования.

Между тем, при применении общепризнанного критерия «добра и зла» возникают значительные трудности, обусловленные широким спектром общественно-политических взглядов и концепций, формирующих представление о критериях поощряемого и дозволенного поведения. В частности, в зарубежной литературе преобладают утилитарные теории происхождения «добра и зла», отражающие стремление человека к расширению жизненного пространства, желание пользоваться соответствующими материальными и культурными благами. Так, по утверждению В.А. Ойгензихта существует множество этических систем в которых добро отождествляется с приятным и желанием получить удовольствие. Эта точка зрения живет в буржуазных моральных концепциях в ее основе – противоречия между по хотя сама польза –понятие далеко не однозначное [4; 66].

Согласно фрейдистской теории добром признается все то, что приносит удовольствие, которое нередко ограничивается социальными запретами и предписаниями. Подобные рассуждения последователи Фрейда механически переносят на развитие культуры и цивилизации в целом, что порождает значительные искажения общественной морали и формируемых на этой основе ценностных установок. В одной из своих последних работ, посвященных формированию культуры, основоположник психоанализа отмечает: « индивидуальное развитие рисуется нам как некий результат интерференции двух устремлений – стремления к счастью, обычно называемым «эгоистическим» и стремлением к объединению с другими в коллективе, называемого «альтруистическим». Как у каждого индивида оба стремления – к индивидуальному счастью и к единству с человеческим коллективом – борются друг с другом, так и оба процесса – индивидуального и культурного развития – должны сталкиваться как враги » [5; 75].

В советской литературе большинство явлений нравственного порядка рассматривались через призму классовой морали. По мнению В.А. Ойгензихта существующие разногласия в понимании диалектической конструкции «добра и зла» обуславливаются тем, что существует широкое и узкое понимание добра. По мнению известного ученого широкая трактовка этого понятия включает в себя все положительное и полезное для человека, к нему приравнивается все нравственное, все то что составляет общественную пользу. Сами по себе «блага» и «добро» не существуют, поскольку они связаны с поведением и поступками человека. Широкое понимание добра имеет преимущественно классовый характер, поскольку отражает коллективистские уста-

новки, появляющиеся под влиянием определенного набора классовых ценностей : «Нельзя не подчеркнуть исторически -классовую обусловленность этих категорий, различный смысл, который в них вкладывают представители разных классов» [6; 68].

В противоположность изложенному, узкая трактовка добра отражает степень удовлетворения личностных интересов конкретного заинтересованного субъекта. По мнению ученого во избежание упрощенного понимания дихотомической категории «добра и зла» необходимо уйти от общеприятных философских категорий, изначально затрудняющих правоприменительную деятельность. При определении исходного критерия правомерного поведения целесообразно использовать более привычную категорию «блага», под которой следует понимать все то, что полезно в удовлетворении потребностей и проявляется в социально обусловленных интересах : «Добро – это то, что создает благо. Так понимается благо, которое объективно выступает как ценностное понятие. Под благом понимается то, что идет на пользу и дает положительный результат» [7; 67].

Представляется, изложенные воззрения не утратили актуальности. Подобная трактовка нравственности связана с тем, что понятие нравственного добра неразрывно связано с целостной системой аксиологических установок, преломляемых через призму политических, религиозных и нравственных воззрений. Подобные представления обуславливаются тем, что проблема нравственного выбора нередко связана с различными самоограничениями, принесением личных интересов в жертву общественным благам. Несмотря на множественность подходов к пониманию диалектической категории добра и зла представляется правильной позиция, исходящая из существования приоритетных ценностей, порождающих и обуславливающих систему публичных обязанностей.

Следует помнить, что нравственное добро неразрывно связано с историческими задачами социальной общности. По мнению известного русского философа В. Соловьева полнота добра выражается в осуществлении совершенства либо в исторической перспективе этого совершенства : «... Цель исторического делания именно и состоит в окончательном оправдании добра, данного в нашем истинном сознании и лучшей воле; весь исторический прогресс вырабатывает исторические условия, при которых добро может стать действительно общим достоянием и без которых оно не может осуществляться. .... На известной ступени умственного и нравственного развития отдельного человека вопрос о том, как ему относиться к историческим задачам, становится неиз-

бежным» [8; 290]. Из данного утверждения следует, что конечная идея добра проявляется в задачах усовершенствования общественного устройства в соответствии с конкретными историческими условиями. Таким образом, положительные ценности проявляются в контексте исторического процесса, ставящего перед человеком определённые политические и культурные задачи.

Покровский И.А. всесторонне исследовавший нравственные аспекты гражданского оборота отмечал, что любая юридическая практика, связанная с применением добрых нравов неизбежно сталкивается с проблемой выявления «доброе» и «недоброе» в оцениваемых действиях заинтересованной стороны. При этом в первую очередь ученый задавался вполне закономерным вопросом : где взять критерий для такого отбора? В воззрениях народа? В воззрениях господствующей группы? и т. д. И, разумеется, мы и здесь, в конце концов, приходим к тому же полному судейскому субъективизму, к которому нас привело направление вышерассмотренное: оба рукава реки, начинаясь далеко друг от друга, попадают на одни и те же пороги и разбиваются в одном и том же водовороте» [9; 256]. И действительно существуют ли унифицированные критерии оценки поведения людей, придерживающихся различных политических, религиозных и этических воззрений?

В дореволюционной литературе соответствующие вопросы юридической ответственности рассматривались через призму морально-этических воззрений, проявившихся в общепринятых представлениях о нравственности. Подобная практика обуславливалась законодательными требованиями. При совершении гражданско-правовой сделки на заинтересованное лицо накладывалась обязанность соблюдения формальных правил поведения, соответствующих этическим представлениям. При этом, законодательство не требовало что бы каждый человек в своих поступках проявлял джельтельство и благородство, а требовало только, что бы он не выходил из рамок простого приличия, не опускался ниже среднего этического уровня, ниже той черты, за которой начинаются поступки этически безобразные, нравственно неприличные, выражаясь точнее, так и поступки против которых у нормального развитого человека восстают не только этические, но и эстетические эмоции [10;133].

По мнению известного философа и публициста П. Флоренского понятие доброты изначально связано с обозначением внешней привлекательности определенной совокупности действий. По его мнению всегда следует помнить, что понятие доброты «первоначально означало именно красоту, и это первичное значение

его определенно выражается во множестве факторов». Подобные представления связывались с тем, что основной момент, который возникает при интерпретации указанного понятия – «художественный, эстетический, но не моральный». Опираясь на многочисленные письменные источники П. Флоренский отмечал, что в древнерусской литературе соответствующее понятие употреблялось в одних случаях как «привлекательная наружность, красота, изящество, великолепие», а в других случаях как: «внутренне совершенство, достоинство, слава, искусство и пр.» [11; 668].

Таким образом, традиционные представления о добре и зле сложились под влиянием моральных, этических и эстетических воззрений, определяющих содержательную характеристику исследуемого понятия. На основании изложенного материала правомерно утверждать, что доброта может рассматриваться как осознанное волевое поведение, направленное на поддержание приоритетных конкретно-исторических, социально-культурных и духовных ценностей. По своей содержательной характеристике это позитивное поведение, заслуживающее бесспорной положительной оценки вследствие преобладания социально-полезного результата. В целом, соответствующую оценку поведения заинтересованного субъекта необходимо производить в рамках традиционных представлений о способности человека к разумным действиям в конфликтной ситуации.

Нередко разграничение добра и зла основывается на сложившемся представлении о недопустимости использования насилия как средства достижения политической цели. Подобные представления восходят к философским воззрениям Л.Н. Толстого, рассуждавшего о недопустимости умножения насилия в культурном сообществе. По представлению писателя нравственность проявляется в непротивлении злу и насилию, включая те опасные ситуации, когда человеку угрожает опасность подвергнуться нападению со стороны насильника. По мнению Толстого Л.Н. нравственность отражает готовность человека к самопожертвованию, стремление к самоотречению и самоограничениям во имя общественных благ и идеалов. Соответственно, «закон возмездия ведет к противоположной цели потому что разрушает ту могущественную силу общественного мнения, которая в сто раз больше острогов и виселиц, ограждает людей от всякого рода насилия друг над другом» [12; 78].

Впоследствии толстовское учение о непротивлении злу и насилию подвергалось активной критике. И. Ильин раскрывая несостоятельность толстовского

учения, опирается на абсолютную природу нравственности. По его мнению в свете толстовской учения добро представляется в образе мелком и плоском, гедонистически самодовлеющим, в то время как зло предстает в образе сравнительно безвредным (внешнее насилие) легко преодолимым. Все размежевание добра и зла оказывается неверным поскольку духовно-безответственные настроения и поступки относятся к добродетельным; напротив, деяния героически-волевые, пророчески-гневные, пресекающие зло и карающие злодея, причисляются к самым позорным и низменным проявлениям человека [13; 376]. По мнению философа физическое понуждение к определенным действиям становится возможным при условии когда внутреннее самозаставление не действует, а внешнее психическое понуждение оказывается недостаточным.

В условиях современной цивилизации принудительное склонение человека к определенным действиям является необходимым условием государственного принуждения. Принудительные меры силового воздействия являются крайним средством принуждения к выполнению правовой обязанности. В международных документах, регулирующих деятельность правоохранительных органов, подчеркивается, что должностные лица по поддержанию правопорядка могут применить силу только в случаях крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей [14]. В данных условиях правовое принуждение носит вынужденный характер, поскольку связано с необходимостью пресечения противоправных действий. Для установления признака вынужденности совершаемых действий необходимо выяснить : была ли соразмерность между целями и средствами достижения цели, а так же являлось ли причинение вреда необходимым условием выполнения правовой обязанности.

Правомерное поведение основывается на традиционных представлениях о фундаментальных ценностях, обеспечивающих поддержание правопорядка, морали и нравственности на необходимом уровне. Известный философ Н.О. Лосский полагал, что положительные ценности не равны друг другу; между ними изначально существуют различия ранга и достоинства. Прежде всего, очевидно, что служебные ценности ниже самоценностей, далее, среди самоценностей абсолютные самоценности стоят выше относительных самоценностей. В каждой из этих групп есть свои различия по рангу: среди абсолютных самоценностей всеобъемлющие стоят выше частичных.....[15; 91]. По общепризнанному мнению правовая система отражает иерархию интересов, отличающихся друг от друга различными

количественными и качественными характеристиками. Представляется очевидным, что в основу правового регулирования положена основополагающая идея о приоритетной охране сверхличностных ценностей.

На основании усвоения ранга ценностей формируются представления о предпочтительном поведении, о моральных обязанностях и ограничениях. Усвоенные представления о высших ценностях в совокупности с представлениями о вспомогательных и относительных ценностях обуславливают социальное поведение в условиях свободного волеизъявления. Здесь же следует отметить и то, что положительные ценности порождают представления о предпочтительном и осуждаемом поведении. Как правило, правовое регулирование осуществляется на основании представлений об осуждении целого ряда порицаемых действий, причиняющих вред наиболее значимым общественным интересам. Поддержание правопорядка обеспечивается целенаправленной работой государственных органов, направленной на поддержание фундаментальных ценностей общества.

Правомерное поведение привязано к идеалам и целям общественного развития, положенных в основу моделирования социальных процессов и их последовательного регулирования. При этом нельзя не учитывать, что моделирование правоотношений неразрывно связано с представлениями о формировании социально полезной мотивации, обеспечивающей исполнение нормативных предписаний. Как правило, правовое регулирование осуществляется через систему сверхличностных ценностей, призванных воздействовать на заинтересованного участника правоотношений. При этом необходимо учитывать, что формирование сверхличностных ценностей осуществляется на основании исторических и культурных традиций, положенных в основу государственного устройства и сложившейся системы правового регулирования. Необходимо отметить и то, что система сверхличностных ценностей обуславливает систему публичных обязанностей в различных сферах общественной жизни.

Нередко исходной причиной совершаемых правонарушений становится искаженная система ценностей, возникающей вследствие смещения и замещения ценностей. В результате подобного вытеснения у человека появляется система ложных потребностей и

интересов, определяющих его социальное поведение. Мнимые потребности формируются под влиянием ошибки в мировоззрении, проявляющейся в несостоятельности приоритетных ценностей. Как правило, подобная ситуация возникает вследствие недостаточного уровня развития личности. По мнению большинства исследователей существование извращенных или мнимых потребностей и интересов обуславливает отрицательное поведение личности, которое подталкивает личность на путь правонарушений [16; 38]. При этом наибольшую опасность создают иллюзорные интересы, появляющиеся под воздействием националистических лозунгов, экстремистских высказываний, антиправительственных выступлений и пр.

Положительные ценности являются необходимой предпосылкой разрешения правовых конфликтов. Как правило, подобные ситуации характеризуются тем, что система ценностных установок одного лица вступает в противоречие с системой ценностей другого заинтересованного субъекта. Большинство правовых конфликтов обуславливаются неспособностью принять чужое мировоззрение, признать справедливость притязаний и требований другой стороны конфликта. Представляется, что в условиях формирования правового государства полномочные органы обязаны обеспечить цивилизованный способ разрешения социальных и экономических конфликтов, руководствуясь принципом приоритетной охраны сверхличностных ценностей.

Система сверхличностных ценностей является своеобразным путеводителем для законодательных, правоохранительных и правоприменительных органов, регулярно сталкивающимися с правовыми коллизиями. Это связано с тем, что действующее законодательство исходит из приоритетной защиты наиболее значимых интересов и ценностей. Примером усиленной охраны сверхличностных ценностей могут служить статьи уголовного кодекса, устанавливающие ответственность за совершение преступлений против мира и безопасности человечества. Как известно, действующее законодательство предусматривает повышенную ответственность за пособничество терроризму, нарушение международных соглашений о запрете пыток и обязанности гуманного обращения с военнопленными, за использование запрещенных средств и методов ведения войны и пр.

Библиография:

1. Вопленко Н.Н. Право в системе социальных норм: Учебное пособие. Волгоград. 2003. – 86 с.
2. Жергунов Р.Г. Вопросы правомерного поведения личности // Правовое регулирование общественных отношений. М. 1977. – 18-21 с.
3. Гетьман-Павлова И.В. Истоки науки международного частного права: школа глоссаторов // Международное публичное и частное право». 2010. № 2. – 17 – 23 с.

4. Ойгензихт В.А. Мораль и право: (Взаимодействие. Регулирование. Поступок). Душанбе, 1987. – 160 с.
5. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. М., 1990. – 176 с.
6. Ойгензихт В.А. Мораль и право: (Взаимодействие. Регулирование. Поступок). Душанбе, 1987. – 160 с.
7. Ойгензихт В.А. Мораль и право: (Взаимодействие. Регулирование. Поступок). Душанбе, 1987. – 160 с.
8. Соловьев В. Оправдание добра. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм. 2012. – 656 с.
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. – 204 с.
10. Кантарович Я.А. Основные идеи гражданского права. М., Институт «Юр ИнфоР-МГУ» 2009. – 504 с.
11. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Том I. М. Издательство «Правда». 1990. – 839 с.
12. Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви. М., 1917. – 48 с.
13. Ильин И.А. Сочинения в двух томах. Том I. М. Издательство «Медиум». 1993. – 509 с.
14. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 года // СПС КонсультантПлюс.
15. Лосский Н.О. Ценность и бытие. – Харьков: Фолио; Москва: АСТ, 2000. – 864 с.
16. Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Издательство Ленинградского университета. 1970. – 174 с.

References (transliterated):

1. Voplenko N.N. Pravo v sisteme sotsial'nykh norm: Uchebnoe posobie. Volgograd. 2003. – 86 s.
2. Zhergunov R.G. Voprosy pravomernogo povedeniya lichnosti // Pravovoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii. M. 1977. – 18-21 s.
3. Get'man-Pavlova I.V. Istoki nauki mezhdunarodnogo chastnogo prava: shkola glossatorov// Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo». 2010. № 2. – 17 – 23 s.
4. Oigenzikht V.A. Moral' i pravo: (Vzaimodeistvie. Regulirovanie. Postupok). Dushanbe, 1987. – 160 s.
5. Freid Z. Neudovletvorennost' kul'turoi. M., 1990. – 176 s.
6. Oigenzikht V.A. Moral' i pravo: (Vzaimodeistvie. Regulirovanie. Postupok). Dushanbe, 1987. – 160 s.
7. Oigenzikht V.A. Moral' i pravo: (Vzaimodeistvie. Regulirovanie. Postupok). Dushanbe, 1987. – 160 s.
8. Solov'ev V. Opravdanie dobra. – M.: Institut russkoi tsivilizatsii, Algoritm. 2012. – 656 s.
9. Pokrovskii I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. M., 1998. – 204 s.
10. Kantarovich Ya.A. Osnovnye idei grazhdanskogo prava. M., Institut «Yur InfooR-MGU» 2009. – 504 s.
11. Florenskii P.A. Stolp i utverzhenie istiny. Tom I. M. Izdatel'stvo «Pravda». 1990. – 839 s.
12. Tolstoi L.N. Zakon nasiliya i zakon lyubvi. M., 1917. – 48 s.
13. Il'in I.A. Sochineniya v dvukh tomakh. Tom I. M. Izdatel'stvo «Medium». 1993. – 509 s.
14. Losskii N.O. Tsennost' i bytie. – Khar'kov: Folio ; Moskva :AST, 2000. – 864 s.
15. Filanovskii I.G. Sotsial'no-psikhologicheskoe otnoshenie sub'ekta k prestupleniyu. Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 1970. – 174 s.